

stratum
plus

Археология и культурная антропология

№1. 2017

E-ISSN: 1857-3533

МИКРОЛИТИЧЕСКИЙ БУМ

Исследование длиною в жизнь: памяти В.М. Лозовского

Свидерская культура на Волге

Дети мезолита

Система расселения и сырьевые стратегии

Эвенкийские охотники и антропологическая теория

Редколлегия номера: Леонид Б. Вишняцкий (ответственный редактор),

Сергей И. Коваленко (зам. отв. редактора), Ольга В. Лозовская

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ КИШИНЕВ ОДЕССА БУХАРЕСТ 2017

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. Nr. 1.
Archaeology and Cultural Anthropology

Microlithic Boom

Life-long research: in memory of V.M. Lozovsky
Swiderian culture on the Volga
Mesolithic children
Settlement system and raw material strategies
Evenk hunters and anthropological theory

Volume Editorial Board: Leonid B. Vishnyatsky (Editor-in-Charge),
Serghei I. Covalenco (Associate Editor), Olga V. Lozovskaya

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2017

Stratum plus. Nr. 1.
Arheologie și antropologie culturală

Bumul microlitic

Cercetare de durata unei vieți: în memoria lui V.M. Lozovski
Cultura Svidersk pe Volga
Copii mezoliticului
Sistemul de colonizare și strategiile de materii prime
Vânătorii evenki și teoria antropologică

Colegiul de redacție a volumului: Leonid B. Vishnyatsky (redactor responsabil),
Serghei I. Covalenco (redactor adjunct), Olga V. Lozovskaya

Sankt Petersburg. Chișinău. Odessa. București.
2017

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

О. В. Лозовская, А. Н. Мазуркевич (Санкт-Петербург, Россия). Исследование длиною в жизнь	17
Список публикаций В. М. Лозовского	25

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Г. А. Хлопачев (Санкт-Петербург, Россия), Ю. Н. Грибченко (Москва, Россия), М. Н. Кулькова, Т. В. Сапелко (Санкт-Петербург, Россия). Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи 1: новые данные о возрасте и длительности существования	41
С. Н. Лисицын (Санкт-Петербург, Россия). Экологический подход к периодизации финального палеолита и раннего мезолита в Верхневолжском регионе	59
Г. В. Синицына (Санкт-Петербург, Россия), Е. А. Спиридонова (Москва, Россия). О хронологии и распространении свидерской культуры в бассейне Верхневолжских озер	111
Н. А. Цветкова (Санкт-Петербург, Россия). Вкладышевое вооружение мезолита — раннего неолита Верхневолжского региона	127
С. И. Коваленко (Кишинёв, Молдова). О культурно-хронологической позиции финально-мезолитических памятников в Пруто- Днестровском междуречье.	155

ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ СИБИРИ

А. П. Деревянко, В. С. Славинский, А. А. Цыбанков (Новосибирск, Россия), Д. Н. Лысенко (Красноярск, Россия), Н. И. Дроздов, С. А. Гладышев, Е. П. Рыбин, И. В. Стасюк, В. М. Харевич, Е. В. Акимова, С. М. Слепченко, И. Д. Зольников (Новосибирск, Россия), А. М. Клементьев (Иркутск, Россия), Л. Л. Галухин (Красноярск, Россия), Е. С. Богданов (Новосибирск, Россия). Археологические комплексы позднего палеолита стоянки Афонтова Гора II (по материалам раскопок 2014 года)	175
М. В. Коноваленко, Ю. В. Балужева (Нефтеюганск, Россия), Ю. Б. Сериков (Нижний Тагил, Россия). Большой Салым 4 — новое мезолитическое поселение на севере Западной Сибири (первые результаты исследования)	201

ПРОИЗВОДСТВО, ОБМЕН, ТРАНСФЕР ТЕХНОЛОГИЙ
В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ

В. С. Славинский, Е. П. Рыбин, Н. Е. Белоусова, А. Ю. Федорченко, А. М. Хаценович, А. А. Анойкин (Новосибирск, Россия). Специфический	
--	--

способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии	221
А. В. Колесник (Донецк, Украина). Система расселения и сырьевые стратегии в верхнем палеолите Донбасса	245
О. И. Александрова, Е. В. Леонова (Москва, Россия). Реконструкция охотничьего вооружения культур поздней поры верхнего палеолита и мезолита Северного Кавказа (по материалам пещеры Двойная)	255
М. Г. Жилин (Москва, Россия), Л. Л. Косинская, С. Н. Савченко (Екатеринбург, Россия). Рубящие орудия из камня в мезолите Среднего Зауралья (по материалам стоянок Горбуновского торфяника).	271
А. Н. Бессуднов, Р. В. Смольянинов (Лупецк, Россия), А. А. Свиридов (Москва, Россия). Геометрические микролиты эпох палеолита — энеолита на памятниках Верхнего Дона	291

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

С. В. Ошибкина (Москва, Россия). Некоторые данные о детях охотников-собирателей эпохи мезолита	307
О. Грэн (Копенгаген, Дания). Оптимальное фуражирование или нет? Эвенкийский пример эксплуатации ресурсов	319

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

С. А. Васильев (Санкт-Петербург, Россия). «Любимая земля» древнейшего человека: ашельская стоянка Terra Amata на юге Франции (Lumley H. de (Dir.). Terra Amata. Nice, Alpes-Maritimes, France. T. I. 2009. 487 p.; T. II. 2011. 536 p.; T. III. 2013. 477 p.; T. IV, Fasc. 1. 2015. 806 p.; T. V. 2016. 536 p. Paris: Ed. CNRS)	331
Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия). Долгожданное пособие по археологическому рисованию (Труфанов А. Я. 2015. Археологический рисунок: Опыт методического анализа. Екатеринбург: АВ КОМ «Наследие»; Караван. 220 с., 141 рис., ISBN 978-5-9907155-3-0)	337
Я. В. Кузьмин (Новосибирск, Россия). Юбилей журнала «Antiquity»: 90 лет на острие событий и исследований в мировой археологии	341
С. П. Щавелёв (Курск, Россия). «Как же жить?» Завещание мастера (Формозов А. А. Записки русского археолога (1940—1970-е годы). Текст кн. подг. к изд. М. К. Трофимовой. Москва: Гриф и К, 2011. 290 с., илл.)	347
Список сокращений.	365
Авторам <i>Stratum plus</i>	367

CONTENTS

AD MEMORIAM

- O. V. Lozovskaia, A. N. Mazurkevich** (*Saint Petersburg, Russian Federation*).
Life-long research 17
- List of published works by V. M. Lozovsky** 25

LATE PALAEOOLITHIC AND MESOLITHIC OF EASTERN EUROPE

- G. A. Khlopachev** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **Yu. N. Gribchenko** (*Moscow, Russian Federation*), **M. A. Kulkova, T. V. Sapelko** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **New Data on the Age and Longevity of the Late Palaeolithic Site of Eliseevitchi 1** 41
- S. N. Lisitsyn** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **An Ecological Approach to the Periodization of the Final Palaeolithic and Early Mesolithic in the Upper Volga Basin** 59
- G. V. Sinitsyna** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **E. A. Spiridonova** (*Moscow, Russian Federation*). **On the Chronology and Distribution of the Swiderian Culture in the Upper Volga Lakeland**. 111
- N. A. Tsvetkova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Slotted Weaponry of the Mesolithic — Early Neolithic in the Upper Volga Region** 127
- S. I. Covalenco** (*Kishinev, Moldova*). **Cultural and Chronological Position of the Final Mesolithic Sites between the Prut and Dniester Rivers** 155

LATE PALAEOOLITHIC AND MESOLITHIC OF SIBERIA

- A. P. Derevianko, V. S. Slavinsky, A. A. Tsybankov** (*Novosibirsk, Russian Federation*), **D. N. Lysenko** (*Krasnoyarsk, Russian Federation*), **N. I. Drozdov, S. A. Gladyshev, E. P. Rybin, I. V. Stasyuk, V. M. Kharevich, E. V. Akimova, S. M. Slepchenko, I. D. Zolnikov** (*Novosibirsk, Russian Federation*), **A. M. Klementiev** (*Irkutsk, Russian Federation*), **L. L. Galukhin** (*Krasnoyarsk, Russian Federation*), **E. S. Bogdanov** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Late Palaeolithic Assemblages of Afontova Gora II (based on the materials of 2014 excavations)** 175
- M. V. Konovalenko, Ju. V. Balueva** (*Nefteyugansk, Russian Federation*), **Yu. B. Serikov** (*Nizhny Tagil, Russian Federation*). **Bolshoi Salym 4 — a New Mesolithic Site in the North of Western Siberia (the first results of the study)** 201

PRODUCTION, EXCHANGE AND TRANSFER OF TECHNOLOGIES
IN THE UPPER PALAEOOLITHIC AND MESOLITHIC

- V. S. Slavinskiy, E. P. Rybin, N. E. Belousova, A. Yu. Fedorchenko, A. M. Khatsenovich, A. A. Anoikin** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **Specific Technique of Core Platform Preparation in the Initial Upper Palaeolithic of South Siberia and Central Asia**. 221

A. V. Kolesnik (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Settlement Systems and Raw Material Acquisition Strategies in the Upper Palaeolithic of Donbas	245
O. I. Aleksandrova, E. V. Leonova (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Reconstruction of Hunting Projectiles from the Late Upper Palaeolithic and Mesolithic Cultures of the North Caucasus (based on the materials of Dvoynaya Cave)	255
M. G. Zhilin (<i>Moscow, Russian Federation</i>), L. L. Kosinskaya, S. N. Savchenko (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>). Stone Tools for Chopping in the Mesolithic of the Middle Trans-Urals (with particular reference to the materials of the Gorbunovski peat bog sites)	271
A. N. Bessudnov, R. V. Smolyaninov (<i>Lipetsk, Russian Federation</i>), A. A. Sviridov (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Geometric Microliths from the Palaeolithic-Eneolithic Sites of the Upper Don Region	291

SOCIAL RECONSTRUCTIONS AND ANTHROPOLOGICAL THEORY

S. V. Oshibkina (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Some Evidence on the Mesolithic Children	307
O. Grøn (<i>Copenhagen, Denmark</i>). Optimal Foraging or Not. An Evenk Example of Resource Exploitation	319

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

S. A. Vasiliev (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). The Favorite Land of the Early Man: the Acheulean site of Terra Amata in the south of France (Lumley H. de (Dir.). Terra Amata. Nice, Alpes-Maritimes, France. T. I. 2009. 487 p.; T. II. 2011. 536 p.; T. III. 2013. 477 p.; T. IV, Fasc. 1. 2015. 806 p.; T. V. 2016. 536 p. Paris: Ed. CNRS)	331
L. S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). A Welcome Manual of Archaeological Drawing (Труфанов А. Я. 2015. Археологический рисунок: Опыт методического анализа. Екатеринбург: АВ КОМ «Наследие»; Караван. 220 с., 141 рис., ISBN 978-5-9907155-3-0)	337
Ya. V. Kuzmin (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>). The Jubilee of Antiquity: 90 years at the “cutting edge” of research in world archaeology	341
S. P. Shchavelev (<i>Kursk, Russian Federation</i>). “How to Live?” Master’s Testament (Формозов А. А. Записки русского археолога (1940—1970-е годы). Текст кн. подг. к изд. М. К. Трофимовой. Москва: Гриф и К, 2011. 290 с., илл.)	347
List of Abbreviations	365
Submissions	367

Г. В. Сеницына, Е. А. Спиридонова

О хронологии и распространении свидерской культуры в бассейне Верхневолжских озер

Keywords: north-west of the Russian Plain, Early Mesolithic, paleoecology, palynological analysis, typology of stone tools

Cuvinte cheie: nord-vestul Câmpiei Ruse, mezoliticul timpuriu, paleoecologie, analiză paleontologică, tipologia uneltelor de piatră

Ключевые слова: северо-запад Русской равнины, ранний мезолит, палеоэкология, палинологический анализ, типология каменных орудий

G. V. Sinitsyna, E. A. Spiridonova

On the Chronology and Distribution of the Swiderian Culture in the Upper Volga Lakeland

Some Swiderian sites occurring in the sediments dated to the Preboreal times were excavated at the basin of the Upper Volga lakes. Their relative chronology is based primarily on typological and palynological evidence. The available archaeological and chronological data give grounds to hypothesize the existence of contacts between the Early Mesolithic Swiderian and Butovo cultures. This may serve as an additional argument in favor of the view that the Butovo culture formed on a Gravettian basis.

G. V. Sinitsyna, E. A. Spiridonova

Cu privire la cronologia și arealul culturii Svideriene în bazinul lacurilor Volgăi de Sus

În bazinul lacurilor Volgăi de Sus au fost cercetate stațiuni, în ale căror depuneri preboreale ale cărora se aflau piese de silex de aspect Sviderian. Prima determinare a cronologiei lor relative permite să presupunem prezența contactelor între populația culturilor sincrone mezolitice timpurii: Svideriană și Butovo. Acest lucru poate servi ca argument în plus în favoarea ipotezei privind proveniența culturii mezolitice timpurii Butovo pe bază gravetiană.

Г. В. Сеницына, Е. А. Спиридонова

О хронологии и распространении свидерской культуры в бассейне Верхневолжских озер

В бассейне Верхневолжских озер были исследованы стоянки, в пребореальных отложениях которых залежали кремневые изделия свидерского облика. Первое определение их относительной хронологии позволяет предположить наличие контактов между населением синхронных раннемезолитических культур: свидерской и бутовской. Это может быть использовано как дополнительный аргумент в пользу гипотезы о происхождении раннемезолитической бутовской культуры на граветийской основе.

Введение

Целью настоящей работы является введение в научный оборот материалов пребореального возраста с Верхневолжских озер. Эти материалы были получены в результате раскопок. Их относительный возраст определен

по данным сравнительно-типологического и спорово-пыльцевого анализов. Новые материалы, относящиеся к рубежу геологических (плейстоцен-голоцен) и археологических (палеолит-мезолит) эпох свидетельствуют о контактах в раннем мезолите между группами людей, обитавших на огромных простран-

Research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no.17-06-00319) "Kostenki Palaeolithic: continuity and intermittency of archaeological cultures in the context of the new chronology and paleoclimatic-paleogeographic reconstructions" ■ Lucrarea este executată cu susținerea financiară a fondului de cercetări fundamentale a Rusiei, proiectul nr. 17-06-00319 „Paleoliticul din Kostenki: problema continuității și discontinuității culturilor arheologice în contextul noii cronologii și a reconstrucțiilor paleoclimaterice-paleogeografice” ■ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-06-00319 «Палеолит Костенок: проблема преемственности и прерывистости археологических культур в контексте новой хронологии и палеоклиматических-палеогеографических реконструкций».

© Stratum plus. Археология и культурная антропология.

© Г. В. Сеницына, Е. А. Спиридонова, 2017.

ствах Русской равнины, а также дают основания для рассмотрения проблемы генезиса буттовской мезолитической культуры.

История вопроса

Формирование культур раннего мезолита происходило на рубеже плейстоцена-голоцена. Для этого периода характерны существенные изменения климата, перестройка типа ландшафтной зональности, смена перигляциальных гиперзон на широтную зональность, что приводило к миграциям как животных, так и человека. Эти же природные условия приводили к эрозии почв, к разрушению культурных слоев археологических памятников. Определение абсолютного и относительного возраста стоянок является главным условием для решения проблемы генезиса раннемезолитических культур. В силу плохой сохранности культурных отложений, приуроченности большинства стоянок к дюнным образованиям, где плохо сохраняется органика, а материалы чаще всего смешаны, применение данных естественнонаучных дисциплин затруднено. Датированные материалы многослойных торфяниковых стоянок, где зафиксированы отложения периодов от дриаса III до пребореала, единичны. Поскольку между позднеплейстоценовыми и раннеголоценовыми материалами, как правило, существует хронологический разрыв, то истоки культур часто усматривали в типологически близких материалах на соседних, более изученных территориях. Для рубежа плейстоцена-голоцена северо-запада Восточной Европы наиболее изученной является территория Польши, где в конце прошлого века была открыта и изучена свидерская культура. Вековая история изучения свидерских памятников рассмотрена в многочисленных работах. Полная историография исследований феномена свидерской культуры (в польской литературе — мазовшанского цикла) представлена в работах последних лет польских исследователей З. Сульгустовской, Р. Шильда и др. (Sulgostowska 2005; Schild et al. 2011). В отечественной литературе свидерская и «постсвидерская» тематика затрагивается почти в каждой работе, посвященной финальному палеолиту и мезолиту Европы (Воеводский 1934; 1950; Борисковский 1966; Векилова 1961; 1966; Гурина 1966; Римантене 1971; Кольцов 1977; Зализняк 1989; Жилин, Кольцов 2008; Сорокин и др. 2009; Сорокин 2010).

Территория распространения свидерской культуры занимает восточную часть Западно-Европейской равнины и западную

часть Восточно-Европейской равнины, охватывая возвышенность и северные склоны Судет и Карпатских хребтов (Schild 1975; 1996; Sulgostowska 1989; 2005; Kobusiewicz 1999; Kozłowski 2006; Schild et al. 2011). Западная граница определена по р. Одер, где свидерская культура контактировала с аренсбургской. Памятники находятся в разных природно-климатических зонах. Польские исследователи (Schild et al. 1997; Fiedorczuk 1992; 1995; 1999; Sulgostowska 2005) особое внимание уделяют выявлению источников сырья и его распространению, изучению окружающей среды, установлению интенсивных контактов, мобильности человеческих групп, взаимосвязей между группами древнего населения, изменениям в спросе на конкретное сырьё. Исследователи классифицировали все стоянки по соотношению местного и импортного сырья на памятниках в отдельных скоплениях, в итоге были выделены «сырьевые» провинции и установлено распространение сырья в пределах 200 км. Самая дальняя стоянка, куда был принесен шоколадный кремень из Польши — это стоянка Саласпилс Лаукскола недалеко от Риги, около 700 км к северо-востоку от месторождения (Sulgostowska 2005). Значительное внимание уделено распространению охры, сырьевые запасы которой находятся близ Рыдно (Schild et al. 2011). По мнению З. Сульгустовской, (Sulgostowska 2005), маршруты, по которым распространялось сырьё, проходили вдоль рек Немана, Нарвы, Припяти и Днепра, а также вдоль берегов Балтийского моря, которое к концу плейстоцена было закрытым озером. Одним из дискуссионных вопросов остается вопрос о восточной границе распространения свидерских памятников. На восток от Польши многочисленны свидерские памятники известны в Белоруссии (Калечыц и др. 2010; Колосов 2013), Латвии (Zagorska 2003), Литве (Римантене 1971; Butrimas, Ostrauskas 1999), в украинском Полесье (Зализняк 1989; 1998; 1999; 2005), в Крыму (Векилова 1961; 1966; Janevic 1999). С. К. Козловский (Kozłowski 2006) восточную границу проводит по бассейнам рек Днепра, Немана, Западной Двины.

Хронология свидерской культуры долгое время оставалась дискуссионной, поскольку материалы свидерских комплексов, залегающие в песчаных толщах, были в большинстве случаев хронологически и культурно неоднородными, а органика отсутствовала. После открытия и исследования многослойной стоянки Цаловане близ Варшавы вопрос был решен комплексными исследованиями, включая радиоуглеродный анализ (Schild 1975; 1996;



Рис. 1. Ареал свидерской культуры. Пунктиром обозначена предполагаемая северо-восточная граница распространения свидерских индустрий в пребореальное время.

Fig. 1. Swiderian culture area. The dash line shows the presumed north-eastern boundary of the Swiderian area during the Preboreal time.

Schild et al. 1999) В итоге были установлены ее хронологические рамки: дриас III — пребореал. Огромная территория (рис. 1), которую охватывали свидерские индустрии, предполагает наличие их локальных вариантов и выявление специфики на раннем и позднем хронологическом этапе существования культуры. Эти вопросы изначально стояли перед исследователями: С. Круковским (Krukowski 1939—1948), Л. Савицким (Sawicki 1935), Р. Шильдом (Schild 1964). Последним было предложено выделить две категории наконечников стрел — иволистные, как наиболее древние, и черешковые, более позднего периода. З. Сульгостовской (Sulgostowska 2005) составлен каталог стоянок мазовшанского цикла свидерской культуры на территории Польши, включающий 57 памятников.

Для свидерской культуры характерно использование высококачественного кремневого сырья, расщепление с помощью мягкого отбойника с двуплощадочных (челновидных) нуклеусов со скошенными площадками и подправкой встречными сколами противоположной плоскости расщепления. В началь-

ной стадии расщепление начинали с торцевой плоскости с целью получения пластин с заостренным дистальным концом (Fedorchuk 1992; 1995; 1999), на дорсальной поверхности которых часто оставались встречные негативы скальвания. Исходная заготовка — удлиненная пластина длиной 50—90 мм, шириной 10—25 мм, толщиной 5—10 мм — требовала минимальной вторичной обработки. Фактически уже при расщеплении получали формы, готовые к использованию. Такая технология требовала использования хорошего сырья, и оно было на территории Польши, в значительной мере определяя специфику культуры. Ярким индикатором всей культуры являются черешковые или листовидные наконечники стрел, изготовленные на удлиненных пластинах, с подработкой черешка двусторонней ретушью, при этом обязательным признаком для свидерской культуры является снятие ударного бугорка плоской ретушью, направленной от краев к центру. В наборе инвентаря свидерских комплексов, кроме черешковых и листовидных наконечников стрел, присутствуют резцы, скребки различных типов, есть

скребки на пластинах с черешком (это, видимо, переоформленные наконечники стрел), топоры-гесла с перехватом — орудия, являющиеся хронологическим маркером рубежа эпох.

О присутствии наконечников стрел свидерского типа на территории Верхнего Поволжья было известно еще в начале XX столетия. М. В. Воеводский писал: «отдельные находки орудий свидерского типа известны с берегов верхневолжских озер — Селигера, Сига и других» (Воеводский 1934: 239), затем в 1950 году он уточняет свою точку зрения: «Оказалось, что единой для всей Восточной Европы свидерской стадии не существует. Кажущееся единство объясняется, во-первых, широким распространением кремневых иволистных и черешковых наконечников стрел и, во-вторых, наличием пережиточных мадленских форм орудий. Оба эти явления характерны вообще для ранней стадии мезолита почти всей Европы» (Воеводский 1950: 97). Большинство исследователей разделяли точку зрения Л. В. Кольцова о том, что свидерская культура являлась основой для генезиса бутовской мезолитической культуры Волго-Окского междуречья (Кольцов 1977; 1989: 72; Жилин 1999; 2000). А. Н. Сорокин при систематизации точек зрения на переход от палеолита к мезолиту определяет концепцию Л. В. Кольцова как «контактную модель», а свою называет «эволюционная гипотеза», которую он последовательно отстаивает с 1990 года (Сорокин 1990; 2010; 2016; Сорокин и др. 2009). Х. А. Амирханов (Амирханов 2004: 17) предложил гипотезу автохтонного развития мезолитических культур на основе развития технологических традиций: граветийских широких пластин, от материалов Зарайской стоянки через Трегубово, Колтово 7 до иеневской раннемезолитической культуры, и узких пластин от Карачарово, Шатрищи, Заозерье I до бутовской культуры. Сторонников той и другой точек зрения прибавилось за последние годы. Основанием для этого служили новые материалы и систематизация музейных коллекций. О продвижении носителей свидерских традиций на восток — в Двинско-Ловатское междуречье (Желтова 2003), в Верхнее Поволжье (Жилин 2000), в Молого-Шекснинское междуречье (Васильева, Косорукова 1998) — писали многие исследователи, основывая свои построения на данных сравнительно-типологического анализа инвентаря. Положение изменилось после открытия и датирования новых материалов бутовской культуры. М. Г. Жилин, кото-

рый прежде разделял мнение Л. В. Кольцова, пересмотрел свою точку зрения. Основанием для пересмотра явились новые материалы самого раннего для бутовской культуры IV слоя стоянки Становое IV, радиоуглеродное датирование которых показало синхронное существование бутовской и свидерской культур в дриасе III. Точка зрения М. Г. Жилина была поддержана В. А. Авериним (Аверин 2011). Нижние слои стоянок Золоторучье I и Вашана в Волго-Окском междуречье, объединенные сходством материальной культуры по технико-морфологическим признакам, позднеплейстоценовой фауной, а также их хронологической позицией (дриас III), М. Г. Жилиным было предложено назвать стоянки «золоторучьенской» традиции (Жилин 2004: 106), которая, по его мнению, была основой для формирования бутовской культуры. Многослойная стоянка Вашана была открыта и частично раскопана Н. К. Анисюткиным в бассейне Оки в Тульской области (Анисюткин 2002). Микропластинчатый инвентарь и позднеплейстоценовая палеофауна в первоначальной интерпретации позволили отнести его к рубежу плейстоцена-голоцена (Анисюткин, Лисицын 2007), а раннепребореальные даты по C^{14} считались омоложенными. С. Н. Лисицын, который прежде разделял точку зрения М. Г. Жилина о выделении золоторучьенской традиции, после дополнительного исследования стоянки Вашана в 2009 году изменил своё мнение. В итоге он пришел к выводу о необходимости пересмотра хронологической позиции не только стоянки Вашана, но и Золоторучья I, и поставил вопрос о целесообразности выделения стоянок типа золоторучьинской традиции в отдельную единицу в финальном палеолите Русской равнины (Лисицын 2011: 116).

Исследованные стоянки на территории бассейна Верхневолжских озер, хронология которых определена данными естественнонаучных дисциплин, дополняют представления о формировании и развитии культур на границе плейстоцена-голоцена. На основании некоторых данных можно предполагать, что техника получения узких пластин мягким отбойником здесь известна с бёллинга, а техника отжима — с дриаса III (Сеницына 1996; Сеницына и др. 2009). Судя по материалам датированных стоянок бассейна Верхневолжских озер, свидерский инвентарь здесь появляется не раньше пребореального периода, среди инвентаря раннемезолитической культуры, свидетельствуя о межкультурных контактах.

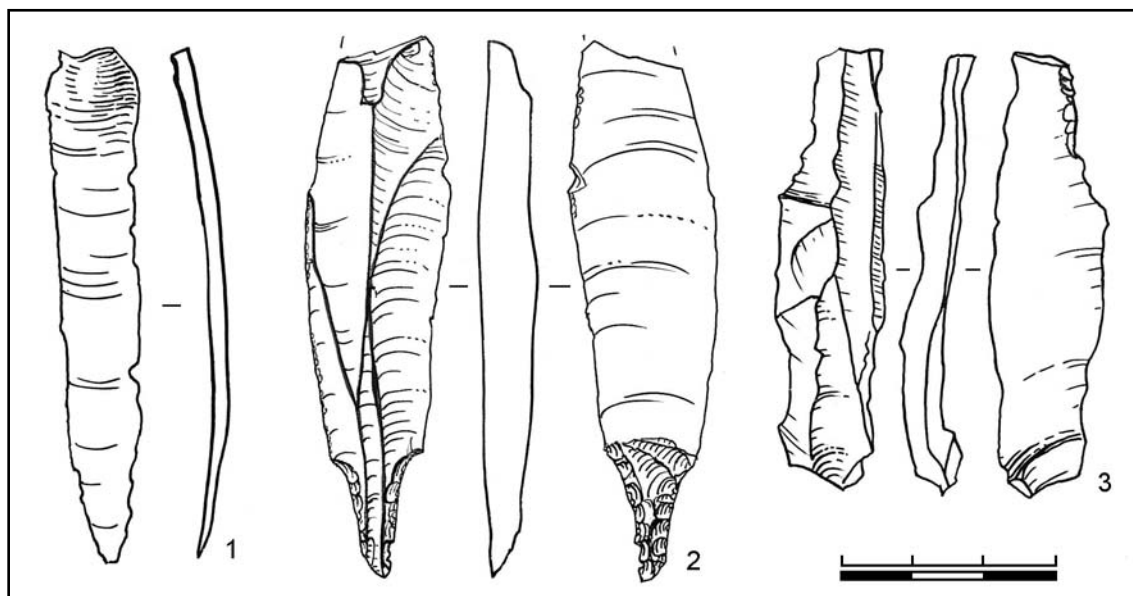


Рис. 2. Подол III/2, каменный инвентарь: 1 — пластинка, полученная в технике отжима (по Синецина 1996: 28, рис. 15: 4); 2, 3 — черешковый фрагмент наконечника стрелы и фрагмент пластины свидерской культуры (по Синецина, Кильдюшевский 1996: 137, рис. 5: 12, 13).

Fig. 2. Podol III/2. Stone tools: 1 — blade obtained by pressure flaking (after Синецина 1996: 28, рис. 15: 4); 2, 3 — Swiderian tanged point and blade (after Синецина, Кильдюшевский 1996: 137, рис. 5: 12, 13).

Источники

В 1990 г. Валдайской (Тверской) экспедицией ИИМК РАН на северном берегу озера Волго в Тверской области близ д. Ланино были открыты и исследованы стоянки Подол III/2 и Баранова гора, культурные слои которых частично сохранились небольшими участками. На стоянке Подол III/2 в заполнении конуса выноса селевого потока дриасового времени, перекрытого обломочным материалом, были найдены предметы, характерные для среднего этапа подольской культуры, технокомплекса бромме, и пластинка розового кремня, полученная в технике отжима с одноплощадочного нуклеуса (рис. 2: 1). Пластинка длиной 72 мм, шириной 12 мм, толщиной 2 мм имеет легкую белесую патину. Первоначально она была ошибочно определена одним из авторов как свидерская (Синецина 1996: 23). В данном случае важно подчеркнуть хронологическую позицию предмета, свидетельствующую о существовании техники отжима в период дриаса III. К инвентарю свидерского типа на данном участке памятника Подол III/2 относятся только два предмета — черешковый наконечник стрелы с обломанным пером и фрагмент пластинки, изготовленные из черного кремня и снятые с двухплощадочного нуклеуса. Оба они найдены на границе раскопа среди инвентаря подольской культуры. Датировать наконечник стрелы и фрагмент пластинки можно

только в широких хронологических рамках на основании сравнительно-типологического анализа — рубежом плейстоцена-голоцена. Типологический анализ наконечника показывает его сходство со свидерским оружием как по типу заготовки, так и по характеру вторичной обработки. Наконечник с обломанным пером имеет длину 75 мм, ширина пластины 20 мм, наибольшая ее толщина 8 мм. Черешковая часть наконечника оформлена вентральной уплощающей ретушью и крутой по краям как с вентральной, так и с дорсальной стороны (рис. 2: 2). Медиальный фрагмент пластины, с негативами встречного скалывания на дорсальной поверхности, имеет длину 62 мм, ширину 15 мм, толщину 6 мм. На дистальной части пластинки имеется краевая вентральная ретушь (рис. 2: 3). Важно отметить, что описанные предметы отличаются от всего инвентаря подольской культуры по характеру используемого сырья, по технике первичного расщепления и вторичной обработке.

Свидерские предметы были найдены также в отложениях пребореального периода стоянки Баранова гора, расположенной в 400 м западнее стоянок Подол III на слабо наклоненной в сторону озера Волго поверхности с углом падения до 10°. На стоянке Баранова гора зафиксировано наличие отложений бёллинга, среднего дриаса, среднего аллереда, дриаса III, пребореала, бореала.

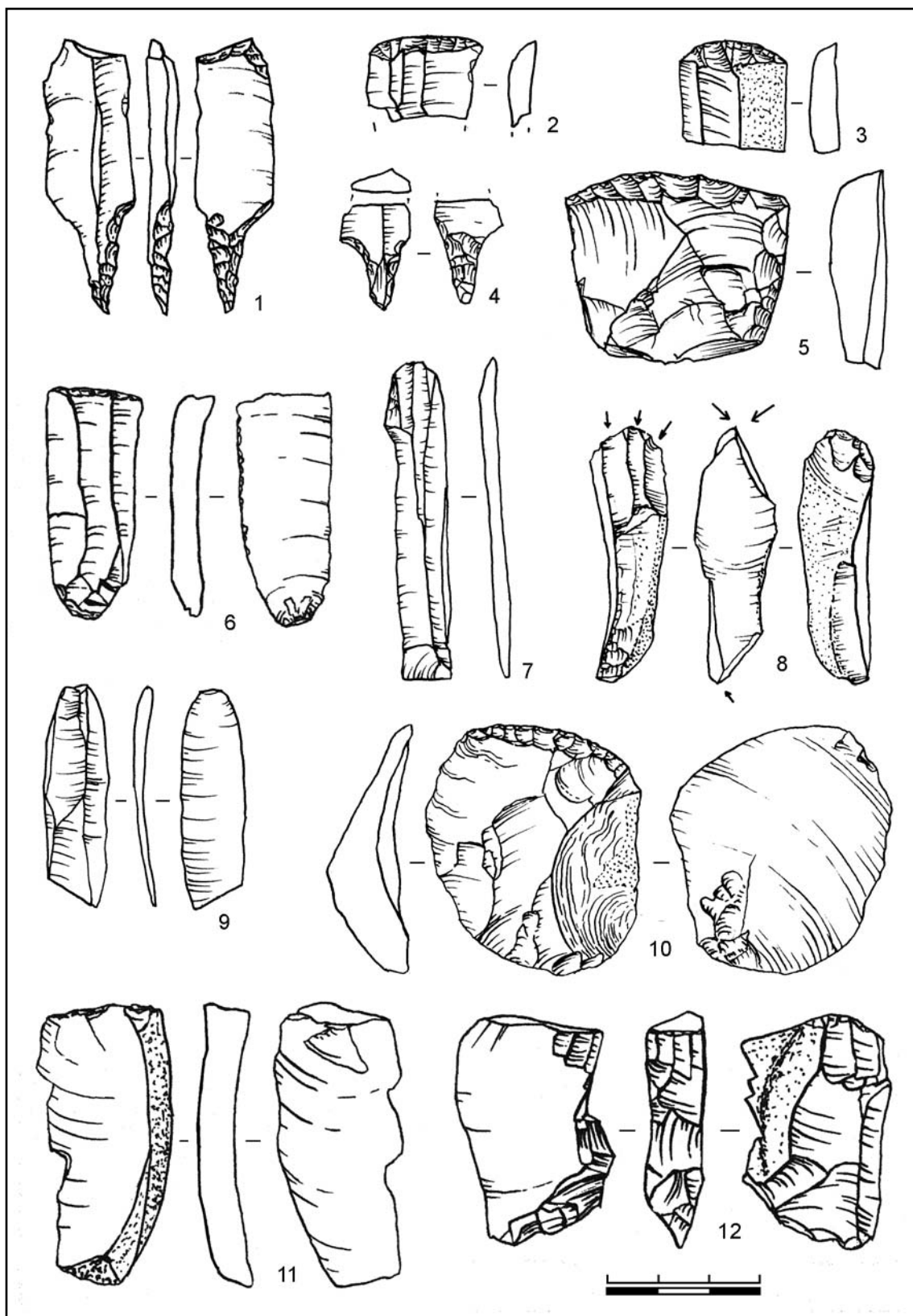


Рис. 3. Инвентарь стоянки Баранова Гора из отложений пребореального периода. Орудия из мелового кремня: 1 — наконечник стрелы; 2, 3, 5 — скребки; 4 — фрагмент наконечника стрелы. Инвентарь из карбонового кремня: 6, 10 — скребки; 7, 9 — пластинки; 8 — резец; 11 — пластина; 12 — нуклеус (рисунок Г.В. Сеницыной).

Fig. 3. Baranova Gora. Lithics from the deposits of Preboreal period. Cretaceous flint: 1 — tanged point; 2, 3, 5 — scrapers; 4 — a fragment of tanged point. Carbon flint: 6, 10 — scrapers; 7, 9 — bladelets; 8 — burin; 11 — blade; 12 — core (drawing by G.V. Sinitsyna).

Предполагаемая площадь поселения составляет 3600 кв.м. Общая раскопанная площадь стоянки составила всего 108 кв.м. Находки залежали пятнами. Стратиграфия верхних слоев на исследуемом участке различалась наличием или отсутствием погребенных почв (слои 6—3), а также деталями и мощностью отложений. Маломощные отложения (4—6 см) пребореального комплекса были выявлены только в разрезе северной стенки раскопа (кв. А-Х, слой 4, 5). Поскольку описание стратиграфии и спорово-пыльцевые диаграммы многослойной стоянки Баранова гора уже опубликованы (Синицына и др. 2009), то в данной работе важно показать наличие инвентаря свидерского облика, изготовленного из мелового кремня, залегающего совместно с типологически однородным инвентарем, изготовленным на местном карбоновом сырье. Строение толщ, где находился материал, достаточно сложное, поскольку эти пачки делювиально нарушены. По особенностям спектров образцы из этих отложений датированы пребореальным периодом, именно с этим уровнем связаны находки, аналогии которым есть в свидерской культуре. В южной части раскопа, ближе к береговой линии, раннеголоценовых отложений не выявлено, а погребенная почва атлантического времени выклинивалась в северной части раскопа. Находки на уровне раннеголоценовых отложений залежали как рассеянно, так и образуя небольшие скопления. Среди инвентаря четко отличаются по сырью от прочих находок 4 предмета. Они выполнены из мелового серого полупрозрачного кремня. Наконечник стрелы свидерского типа с обломанным пером и дополнительной подправкой вентральной ретушью, три концевых скребка два на пластинах, один на отщепе (рис. 3: 1—3, 5). Находки из мелового кремня залежали на разных квадратах, не образуя скопления. Возможно, второй фрагмент черешка наконечника стрелы такого же типа, как и предыдущий, тоже был выполнен из мелового кремня, но он сильно пережжен, приобрел серую трещиноватую поверхность, поэтому невозможно точно установить, из какого сырья он был изготовлен (рис. 3: 4). Изделия, выполненные из мелового кремня, типологически не отличаются от всего комплекса орудий на местном карбоновом кремне. Заготовки из карбонового и мелового кремня одинаковы как по параметрам, так и по вторичной обработке. Разница заключается в степени выпуклости скребкового лезвия. Скребок из карбонового кремня имеет прямое лезвие (рис. 3: 6). Скребок на отщепе имеет асимметричное лезвие (рис. 3: 10), специфика его состоит в ха-

рактере заготовки. Он выполнен на отщепе сильно выпуклого профиля. Здесь же был найден двусторонний многофасеточный резец на карбоновом кремне, при этом на одном из его концов резцовый скол был снят с косоретушной площадки, тогда как противоположный был оформлен по принципу двугранного резца, когда одна резцовая грань служила ударной площадкой для снятия резцовых сколов (рис. 3: 8). На уровне пребореальных отложений были найдены пластинки, полученные в технике отжима, на дорсальной поверхности которых есть негативы встречного скалывания (рис. 3: 7, 9). В коллекции присутствует вторичный нуклеус торцового принципа расщепления (рис. 3: 12) и заготовка из этого же типа кремня с частично сохранившейся валунной коркой (рис. 3: 11). Близкие аналогии этому инвентарю есть в материалах памятников бассейна Западной Двины Бабурова гора и Лобань (Желтова 2003). Поскольку материал их датирован на основании сравнительно-типологического анализа, то аналогии с инвентарем стоянки Баранова гора могут быть косвенным свидетельством в пользу уточнения его хронологической позиции. Бесспорно, наибольший интерес представляет наконечник стрелы с переоформленным краевой вентральной ретушью пером. Ретушью образован слабо выступающий шип. Острый черешок орудия длиной 17 мм, с четкими плечиками, оформлен вентральной ретушью и подправлен дорсальной, но только с одной стороны (рис. 3: 1). Фрагмент черешка второго орудия также заостренной формы, оформлен плоской вентральной ретушью, фасетки как и у предыдущего орудия, сходятся в центре заготовки, есть подправка краевой дорсальной ретушью. Оба орудия объединяет асимметрия черешковой части относительно продольной оси заготовки, так же, как и у фрагмента наконечника стоянки Подол III/2. Аналогии описанным формам наконечников есть в инвентаре стоянок нижнего течения Даугавы (Zagorska 2003), для которых также характерна асимметрия формы. Наконечники эти происходят из коллекции уже упоминавшейся выше стоянки Саласпилс Лаукскола, в которой зафиксировано использование польского мелового (шоколадного) кремня. Территориально ближе к верхневолжским озерам находятся памятники мезолита Белорусского Подвинья, где, по мнению В.П. Ксензова, зафиксировано использование мелового кремня из меловых отторженцев Понеманья серо-голубого цвета и кремня серого цвета с вкраплением мела из Посожья (Ксензов 1994: 12). Современное состояние изученности пока не позволяет про-

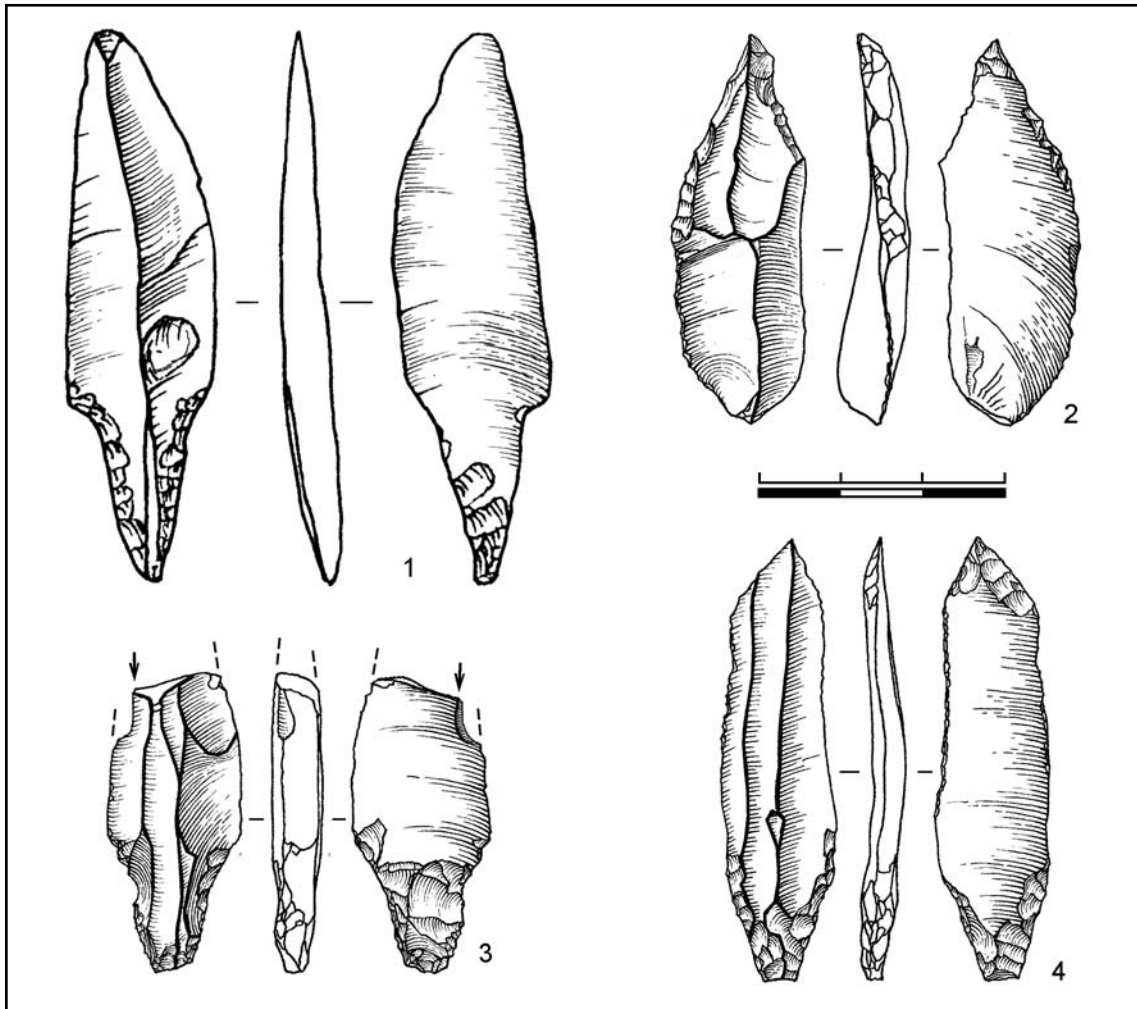


Рис. 4. Инвентарь свидерского типа из местонахождений на побережье озера Вселуг. 1 — наконечник стрелы, стоянка Залозье 4; 2 — проколка, стоянка Сосна 1; 3 — резец на сломе пера наконечника стрелы, стоянка Сосна 1; 4 — наконечник стрелы, стоянка Кудь 2 (рисунок Г.В. Сеницыной).

Fig. 4. Swiderian tools from localities on Lake Vselug. 1 — tanged point, site Zalozie 4; 2 — borer, site Sosna 1; 3 — burin on the broken tanged point, site Sosna 1; 4 — tanged point, site Kud' 2 (drawing by G.V. Sinitsyna).

следить более детально пути проникновения орудий свидерского типа из мелового кремня на верхневолжские озера. Однако присутствие материалов типологически близких свидерским, но изготовленных из местного карбонатового сырья, зафиксировано на озере Вселуг.

В регионе Верхневолжских озер в 1971 и 1976 гг. рекогносцировочными работами под руководством Н.Н. Гуриной (Гурина 1971) были обнаружены местонахождения на озере Вселуг, при впадении в него р. Кудь. В сборах на стоянке Сосна 1 были найдены два предмета: фрагмент черешкового наконечника стрелы, переоформленный в угловой резец на сломе пера, и проколка (рис. 4: 2, 3). Сырьем для изготовления пластин служил карбонатный кремль. Заготовки для орудий получены с двухплощадочных нуклеусов, судя по их дорсальной поверхности, где сохранились

встречные негативы расщепления. Черешок фрагмента наконечника стрелы оформлен в типичной свидерской манере — ударный бугорок снят уплощающими сколами, направленными от краев к центру, и подправлен по краям дорсальной ретушью. На правом берегу р. Кудь на местонахождении Кудь 2 был найден целый черешковый наконечник на пластинке, перо которого, так же, как и черешок, оформлено уплощающими сколами, направленными от краев к центру. Черешок дополнительно оформлен дорсальной ретушью. Находки на озере Вселуг отличаются не только используемым сырьем, но и малыми размерами. Проколка длиной 48 мм при ширине пластинки 15 мм и толщине 7 мм, фрагмент наконечника на аналогичной пластинке сделаны они из одного и того же кремня. Несколько отличается от них по размерам целый наконеч-

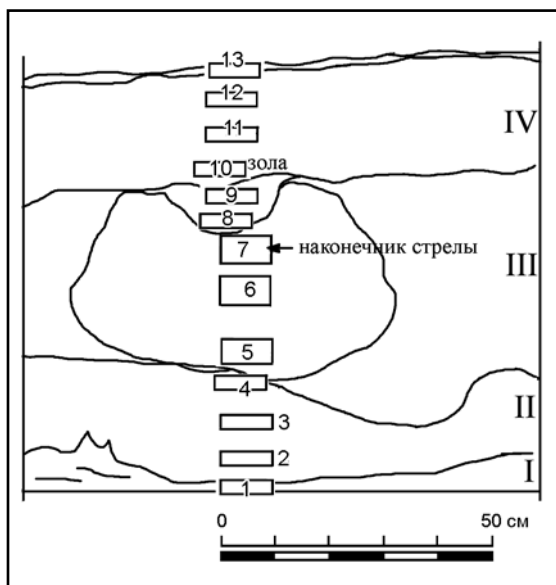


Рис. 5. Разрез шурфа 2 стоянки Залозье 4 (озеро Вселуг): I—IV — литологические слои; 1—13 — номера образцов на палинологический анализ: 1 — бурый ожелезненный песок с ортзандами; 2, 3 — светло-серый зеленоватый тонкозернистый песок; 4 — контакт светлого песка и темно-желтого (рыжего) песка; 5—7 — рыжий гумусированный песок, в котором присутствуют находки, в том числе наконечник стрелы; 8, 9 — образцы из пятна светло-желтого песка; 10—12 — образцы из слоя современной почвы, темно-серого гумусированного песка; 13 — дерн.

Fig. 5. Cross section of test pit 2 at the site Zalozie 4 on Lake Vselug: I—IV — lithological layers; 1—13 — palynological samples: 1 — brown ferruginous sand with orthozands; 2, 3 — light gray-greenish fine-grained sand; 4 — contact of light sand and yellow-dark (red) sand; 5—7 — humified red sand with cultural remains, including a projectile point; 8, 9 — samples from lenses of yellow-light sand; 10—12 — samples from modern soil (dark-gray humified sand); 13 — turf.

ник (69×19×7 мм), найденный в 2005 году при обследовании территории по землеотводу Залозье — Торг в Пеновском районе Тверской области на северном берегу озера Вселуг. Работы проводила И.В. Исланова (ИА РАН). В одном из шурфов (№2) был обнаружен наконечник стрелы свидерского типа на пластине, снятой с двухплощадочного нуклеуса (рис. 4: 1). Местонахождение получило название Залозье 4. В разрезе южной стенки шурфа, где был найден наконечник, Г.В. Синицкой были отобраны образцы на палинологический анализ с целью определения возраста отложений (рис. 5). К сожалению, полномасштабные исследования на данном памятнике не проведены, но результаты палинологического анализа показали, что наконечник стрелы свидерского типа находился в отложениях пребореального периода. Стоянка Залозье 4 связана с комплексом дюнных образований, нарушен-

ных пахотой. В шурфе №2 вскрыты следующие слои (снизу вверх):

Слой IV (мощность 0,05—0,25 м). Современная почва, пахота (обр. 10 — 0,17—0,2 м).

Слой III (0,25—0,55 м). Светло-желтый тонкозернистый песок (обр. 9 — 0,25—0,28 м; обр. 8 — 0,28—0,3 м). Рыжий гумусированный песок (обр. 7 — 0,3—0,35 м; обр. 6 — 0,4—0,45 м; обр. 5 — 0,5—0,55 м).

Слой II (0,57—0,77 м). Контакт светло-серого и рыжего песков (обр. 4 — 0,57—0,6 м). Светло-серый (зеленоватый) тонкозернистый песок (обр. 3 — 0,65—0,68 м; обр. 2 — 0,72—0,75 м).

Слой I (0,77—0,8 м). Бурый ожелезненный песок с ортзандами (обр. 1 — 0,77—0,8 м).

Палинологический анализ был проведен для 10 образцов из слоев II—IV. Все образцы содержали мелкие кусочки древесины и остатки коры деревьев (в основном березы). В пробе 10, помимо растительных остатков, присутствует зола. Кроме того, надо отметить, что пыльца липы в образцах 8—10 часто встречается плохой сохранности, меньших размеров и иногда только с двумя порами. Изученные образцы имели разную насыщенность, как органическими остатками, так и пылью и спорами, особенно в слоях III и IV. По-видимому, песчаные отложения дюн подверглись эоловым процессам. Четкие следы перевевания наиболее отчетливо проявились в образцах 1 и 6 и, возможно, в обр. 8, где пыльца, споры и органические остатки практически отсутствуют.

На основании различия состава палинологических спектров в изученном разрезе выделяются 4 спорово-пыльцевых комплекса, связанных по времени образования с последовательными этапами развития растительного покрова раннего голоцена (рис. 6).

I спорово-пыльцевой комплекс (береза, сосна с участием злаков и полыней). Выделен по образцу 2 с глубины 0,72—0,75 м.

В общем составе преобладает пыльца древесных пород (46%), на пыльцу травянистых и кустарничковых растений приходится 26%, на споры около 27%.

Среди древесных пород почти в равном количестве (около 37%) присутствует пыльца березы (*Betula*) и сосны (*Pinus*). Надо отметить, что пыльца сосны иногда встречается меньших размеров и с плохо развитыми мешками, что, вероятно, отражает менее благоприятные условия для произрастания этой породы. Среди пыльцы березы встречены также и мелкие формы, представленные пыльцой *Betula nana* L. (около 3%). Кроме того, в спек-

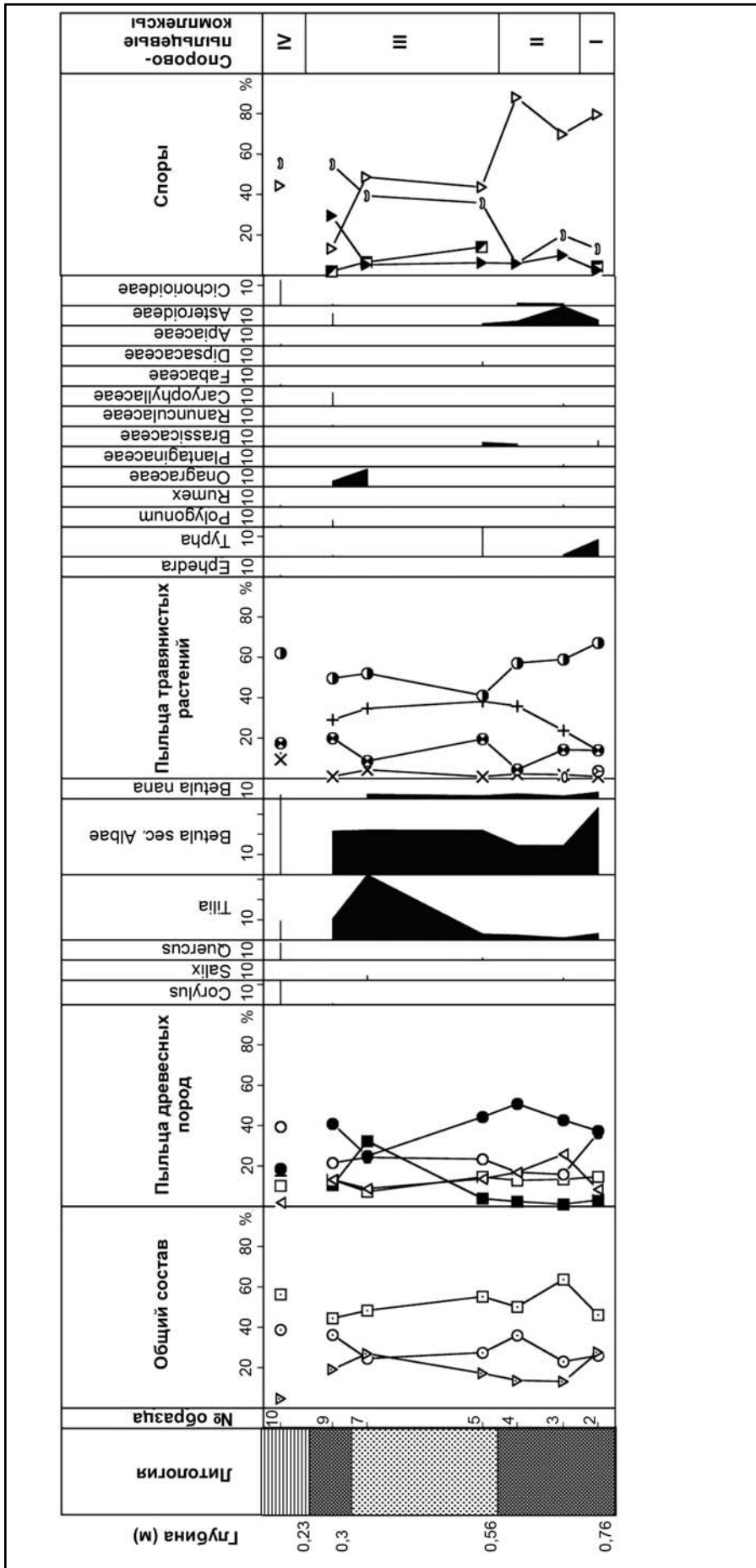


Рис. 6. Спорово-пыльцевая диаграмма стоянки Залозье 4 (рисунок Е.А. Спиридоновой).

Fig. 6. Pollen diagram for Zalozie 4 (drawing by E.A.Spiridonova).

тре присутствует пыльца ольхи (*Alnus*) (около 15%), ели (*Picea*) (8,4%) и недоразвитые зерна пыльцы липы (*Tilia*) (3%).

Состав пыльцы травянистых и кустарничковых растений довольно разнообразен, преобладает пыльца злаков (*Poaceae*) (67%), заметно меньше полыней (*Artemisia*) (14%) и разнотравья (14%). Пыльца полыней иногда встречается в скоплениях. Необходимо отметить присутствие пыльцы верескоцветных (*Ericaceae*), максимум присутствия которой чаще всего связан с пребореальным периодом голоцена. 8,4% приходится на пыльцу розга (*Typha*), — растения, для которого характерны сырые местообитания, иногда небольшие водоемы или береговые зоны водоемов. Судя по участию в спектре споровых растений (почти 28%), условия были влажными. Особенно много спор зеленых мхов (*Bryales*) (80%), встречены также споры сфагновых мхов (*Sphagnum*), плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) и папоротников семейства многоножковых (*Polypodiaceae*).

Подобный спорово-пыльцевой комплекс связан с началом пребореального времени голоцена. Лес становится зональным типом растительного покрова территории, хотя сообщества с небольшим участием элементов перигляциального комплекса сохраняются. Широкое участие получают массивы березового и соснового леса, в состав которого в очень небольшом количестве входили ель и липа. Учитывая высокую обводненность низин местности, в наиболее благоприятных условиях произрастали кустарниковая ольха и ива. Среди открытых местообитаний преобладали различные злаковые сообщества. На более открытых и сухих участках селились полыни с различными представителями разнотравья. Учитывая высокую роль споровых растений в общем составе с преобладанием зеленых и сфагновых мхов, а также присутствие в спектре пыльцы верескоцветных, не исключена возможность заболочивания низин.

II спорово-пыльцевой комплекс (сосна, ель с участием злаков и полыней). Выделен по образцам 3 и 4 с глубин 0,65 м и 0,57 м соответственно. Постепенно сменяет предыдущий комплекс.

В общем составе, по существу, сохраняется такое же распределение участия древесных пород и травянистых растений, тогда как роль споровых растений становится ниже. Меняется участие в спектре пыльцы березы и ели. По-прежнему больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (42—51%), но второе место начинает занимать пыльца ели (*Picea*) (17—26%), и только третьей породой стано-

вится береза (*Betula*) (около 14%). Локально произрастает кустарниковая ольха, ива и карликовая береза (*Betula nana*). Важно отметить существенное возрастание роли пыльцы ели в спектре. Это прослеживается на многих памятниках, таких, как Суконцево VII, Дмитровское I, Тихоново в интервале времени от 9500 до 9300 л. н.

Состав пыльцы травянистых и кустарничковых растений в целом повторяет особенности распределения основных доминирующих групп, но в этом комплексе выше роль пыльцы полыней (*Artemisia*) (24—36%). Участие споровых растений в спектре существенно сократилось, но их состав близок предыдущему комплексу.

Такой спорово-пыльцевой комплекс отвечает несколько иным условиям внешней среды по сравнению с предыдущим. Более широкое распространение получили сосновые леса, в состав которых входили не только мелколиственные породы (береза, ольха), но и широколиственные (липа). Также в этих лесных массивах было значительное участие ели, что видно по спектрам, особенно учитывая пыльценосность этой породы. Ареал ели расширился в это время в пределах северо-запада и центра Русской платформы.

Открытые ландшафты, помимо леса, по-прежнему играли существенную роль на этой территории, при этом высокий процент в спектрах пыльцы полыней, наряду со злаками, говорит о сохранении перигляциальных условий.

III спорово-пыльцевой комплекс (сосна, береза с участием злаков и полыней). Выделен по образцам 5—9 с глубин от 0,25 м до 0,55 м.

Комплекс отличается от предыдущих двух как по литологическому составу вмещающих пород, так и по участию в спектрах пыльцы различных древесных пород. Из-за нарушения слоя 4 слоем 3 в образце 7, по-видимому, попал пыльник недоразвитых зерен липы, где встречаются формы со слабо развитой экзиной и иногда меньших размеров. Эти особенности в составе спектра образца 7 других отклонений по отношению к характеру проб этого комплекса не имеют.

В общем соотношении пыльцы древесных пород, травянистых растений и спор по-прежнему преобладает пыльца древесных пород, составляя 45—55%. Пыльца травянистых и кустарничковых растений составляет 25—36%, что мало отличается от этих значений в I и II комплексах. Участие споровых растений в спектре также сходно с предыдущими комплексами. Среди пыльцы древес-

ных пород преобладает пыльца сосны (*Pinus*) (25—44%), на втором месте по количеству пыльцы береза (*Betula*) (около 22%). Из широколиственных пород присутствует пыльца липы. Состав пыльцы травянистых и кустарничковых растений близок описанным выше комплексам, где много злаков и полыней. В группе споровых растений на первое место выходят папоротники семейства многожковых (*Polypodiaceae*) (до 55%), становится больше спор сфагновых мхов (*Sphagnum*) (6—30%).

На этом этапе преобладали сосново-березовые леса с участием ели и очень незначительным участием широколиственных пород. В составе открытых местообитаний, в зависимости от рельефа местности, произрастали различные злаковые сообщества или полыньи.

Описанные выше спектры характеризуют условия господства леса при заметном присутствии открытых ландшафтов с высоким участием полыней. Во все последующие периоды голоцена биоценозы с полынями в доминирующих лесных группировках этой территории не принимают участие.

IV спорово-пыльцевой комплекс (береза с участием сосны; злаки). Выделен по образцу 10 с глубины от 0,17 м из слоя современной почвы со следами пахоты.

В пробах отмечены многочисленные растительные остатки и пыльца различной сохранности. Наиболее вероятно, что в небольших количествах здесь присутствует пыльца из более древних слоев разреза. Так, в очень малом количестве отмечена пыльца карликовой березы *Betula nana*, эфедры *Ephedra* и частично полыней. Именно эти компоненты перигляционной флоры указывают на сложное формирование комплекса этого нижнего слоя современной почвы.

Исходя из состава спектра, этот интервал характеризуется полуоткрытыми ландшафтами с преобладанием березовых и сосново-березовых лесов с небольшим участием широколиственных пород. Основным отличием от спектров ранее описанных комплексов является состав травянистых растений. В этом комплексе, по существу, господствуют злаки и в меньшей степени разнотравье, которое преимущественно состоит из растений семейства сложноцветных (*Compositae*) подсемейства цикориевых (*Cichorioideae*). Содержание пыльцы полыней (*Artemisia*) не превышает 10%. При этом необходимо отметить еще раз, что пыльца эфедры и полыней, скорее всего, является переотложенной из нижележащих слоев.

Только первые три комплекса по составу спектров близки друг другу и характеризуют различные и последовательные этапы пребореального периода голоцена, начиная с интервала ранее 9700 лет назад.

Можно предположить, что описанные материалы свидетельствуют о длительном периоде существования населения в регионе в мезолитическое время. Материал стоянок Сосна I и Залозье 4 более ранний, скорее всего, он может быть отнесен к началу пребореального периода, а местонахождение Кудь 2 — к развиту мезолиту. Но это пока всего лишь предположения, а для более определенных выводов необходимо полномасштабное исследование памятников.

Заключение

Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что свидерское влияние на территории Верхневолжских озер не прослеживается раньше пребореального периода. Данная территория была заселена начиная с беллинга, при этом технология отжима пластин была здесь известна начиная с дриаса III. Инвентарь из мелового кремня является приносным, поскольку отсутствуют отходы расщепления из мелового кремня. Типологически инвентарь из мелового кремня в пребореальных отложениях стоянки Баранова гора однороден, с основным составом орудийного набора, выполненного на местном карбонатовом кремне.

Наличие свидерских орудий, изготовленных из мелового кремня, в бассейне Верхневолжских озер дает основание для предположения о наличии контактов (продвижение/взаимодействие) между древними популяциями западных и восточных территорий. З. Сульгостовска (Sulgostowska 1999; 2005) датирует распад свидерской культурной общности пребореальным периодом и предполагает миграции ее носителей в различные регионы, прежде всего, связанные «сырьевыми» контактами. В. А. Галибин и В. И. Тимофеев (Галибин, Тимофеев 1993) установили на основании результатов приближенно-количественного спектрального анализа распространение кремневого сырья в мезолите из месторождений Верхней Волги с инвентарем стоянок Восточной Прибалтики, Ленинградской области, Эстонии и Литвы. На территории Мазовии в мезолите уже существовала коморницкая культура. Стоянок свидерской культуры, датированной дриасом III, на территории Верхней Волги пока не обнаружено. Типологически все формы наконечников, представленные в бассейне верхне-

волжских озер, имеют позднюю черешковую форму, если исходить из классификации Р. Шильда (Schild 1964) для наконечников стрел свидерской культуры. Наконечники местонахождений Залозье 4 и Сосна I свидетельствуют о заселении территории в раннемезолитическое время носителями свидерских традиций. Наконечнику с местонахождения Кудь 2 можно найти аналогии в развитом мезолите лесной зоны Восточной Европы.

Гипотеза о формировании раннемезолитической бутовской культуры на основе граветтских традиций в настоящее время находит все большее количество сторонников. Определение «граветтские традиции» — широкое понятие, оно включает в себя различные индустрии: типа Заозерья I, тип «золоторучья» или рессеты (Амирханов 2004; Жилин 2004; Сорокин 2010; 2016; Сорокин и др. 2009). Достоверных материалов для решения вопроса генезиса бутовской культуры пока нет. Во всех случаях проблема преемственности и наследования культурных традиций упирается в проблему определения хронологии памятников. Сейчас в памятниках Верхней Волги уже есть единичные датированные материалы дриасового времени, где

существует техника отжима, характерная для мезолитической культуры.

Не может быть окончательно отклонена точка зрения М.Г. Жилина (Жилин 2004) о выделении «золоторучьенской» традиции. С.Н. Лисицын (Лисицын 2011) обосновал свою точку зрения на новых материалах исследованной им стоянки Вашана. Однако, он работал на новом участке, не примыкающем к раскопу предыдущих лет, а материал этого периода залегает пятнами. Вопрос хронологии нижнего слоя этого памятника остается открытым, так же, как и определение возраста стоянки Золоторучье I. Хронология данного памятника, в первую очередь, может быть определена условиями залегания (поздневалдайские отложения по определению А.А. Величко) и наличием фауны, типичной для позднеледниковья. Все это характерно для Золоторучья I. Аргументов для отрицания традиции «типа Золоторучья» пока явно недостаточно. В целом по материалам стоянок на озере Волго можно утверждать, что для сложения раннемезолитической культуры были все предпосылки, все данные для развития технологической традиции, связанной с узкопластинчатой граветтской традицией.

Литература

- Аверин В.А. 2011. *Ивановский край в эпоху мезолита*. Иваново: Издатель Епишева О.В.
- Амирханов Х.А. 2004. Восточнограветтские элементы в культурном субстрате волго-окского мезолита. В: Амирханов Х.А. (отв. ред.). *Проблемы каменного века Русской равнины*. Москва: Научный мир, 5—18.
- Анисюткин Н.К. 2002. Открытие палеолита в Тульской области. В: Праслов Н.Д. (ред.). *Верхний палеолит — верхний плейстоцен. Динамика природных событий и периодизация археологических культур*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 158—163.
- Анисюткин Н.К., Лисицын С.Н. 2007. Стоянка Вашана — памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области. В: Жилин М.Г. (отв. ред.). *Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене*. Москва: ИА РАН, 134—248.
- Борисковский П.И. 1966. Вопросы мезолита Чехословакии и Румынии. У истоков древних культур. *МИА* 126, 132—137.
- Васильева Н.Б., Косорукова Н.В. 1998. Результаты планиграфического, трасологического и технологического анализов материалов стоянки Марьино 4. *ТАС* 3, 179—192.
- Векилова Е.А. 1961. К вопросу о свидерской культуре в Крыму. *КСИА* 82, 143—149.
- Векилова Е.А. 1966. К вопросу о связях населения на территории Крыма в эпоху мезолита. В: Гурина Н.Н. (ред.). *У истоков древних культур. Эпоха мезолита*. *МИА* 126, 144—154.
- Воеводский М.В. 1934. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпилеолита на территории Восточной Европы. В: Бутин В.Ф., Быковский С.Н., Герасимов А.П. и др. (ред.). *Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы V*. Ленинград; Москва: Государственное научно-техническое горно-геолого-нефтяное издательство, 230—245.
- Воеводский М.В. 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы. *КСИИМК* XXXI, 96—119.
- Галибин В.А., Тимофеев В.И. 1993. Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики. *Археологические вести* 2, 13—19.
- Гурина Н.Н. 1966. К вопросу о позднепалеолитических и мезолитических памятниках Польши и возможности сопоставления с ними памятников северо-западной Белоруссии. В: Гурина Н.Н. (ред.). *У истоков древних культур. Эпоха мезолита*. *МИА* 126, 14—34.
- Гурина Н.Н. 1971. *Верхневолжская экспедиция 1971 г.* Архив ИИМК РАН. Ф.35. Оп. 9. Д. №10, 11.
- Желтова М.Н. 2003. Кремневые индустрии памятников финального палеолита и мезолита бассейна реки Усвячи. В: Мазуркевич А.Н. (ред.). *Древности Подвинья: исторический аспект*. По материалам круглого стола, посвященного памяти А.М. Микляева (6—8 октября 1999). Санкт-Петербург: ГЭ, 27—39.
- Жилин М.Г. 1999. Хронология и периодизация бутовской мезолитической культуры. В: Егоров В.Л. (отв. ред.). *Забелинские научные чтения 1995—1996 гг. Исторический музей — энциклопе-*

- для отечественной истории и культуры 103, 109—126.
- Жилин М. Г. 2000. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите. *ТАС* 4, 72—79.
- Жилин М. Г. 2004. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы. В: Амирханов Х. А. (отв. ред.). *Проблемы каменного века Русской равнины*. Москва: Научный мир, 92—139.
- Жилин М. Г., Кольцов Л. В. 2008. *Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация)*. Москва: ИА РАН.
- Зализняк Л. Л. 1989. *Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита*. Киев: Наукова думка.
- Зализняк Л. Л. 1998. *Передісторія України Х—V тис. до н. е.* Київ: Бібліотека українця.
- Зализняк Л. Л. 1999. *Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи (Культурний поділ і періодизація)*. Київ: НАУКМА.
- Зализняк Л. Л. 2005. *Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Кам'яна доба України* 8, Київ: Шлях.
- Калечыц А. Г., Коласаў А. У., Абухоўскі В. С. 2010. *Палеалітычныя помнікі Беларусі. Культурна-храналагічная ідэнтыфікацыя крыніц*. Мінск: Беларуская навука.
- Колосов А. В. 2013. О заселении бассейна р. Сож в позднеледниковое время. В: Сеницына Г. В. (ред.). *Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы)*. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 182—221.
- Кольцов Л. В. 1977. *Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики*. Москва: Наука.
- Кольцов Л. В. 1989. Мезолит Волго-Окского междуречья. В: Кольцов Л. В. (отв. ред.). *Мезолит СССР*. Археология СССР 2. Москва: Наука, 68—86.
- Ксензов В. П. 1994. *Мезолитические культуры Белорусского Подвинья и Поднепровья*. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Минск.
- Лисицын С. Н. 2011. Стоянка Вашана и вопросы хроностратиграфии раннего мезолита Волго-Окского междуречья. *ЗИИМК* 6, 104—118.
- Римантене Р. К. 1971. *Палеолит и мезолит Литвы*. Вильнюс: Минтис.
- Сеницына Г. В. 1996. *Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. Отчет о полевой работе Тверской археологической экспедиции в 1996 году*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН.
- Сеницына Г. В., Кильдошевский В. И. 1996. Хронологические комплексы памятника Подол III. *ТАС* 2, 133—140.
- Сеницына и др. 2009: Сеницына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г. 2009. О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова гора в Тверской области. *ТАС* 7, 52—70.
- Сорокин А. Н. 1990. *Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции)*. Москва: ИА РАН.
- Сорокин А. Н. 2009. Финальный палеолит и мезолит Центральной России. В: Леонова Н. Б. (отв. ред.). *На переломе эпох*. Москва: ИА РАН, 127—196.
- Сорокин А. Н. 2010. Еще раз о проблеме «постсвицдерских» культур Восточной Европы. В: Каменецкий И. С., Сорокин А. Н. (отв. ред.). *Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928—2009)*. Москва: ИА РАН, 188—202.
- Сорокин А. Н. 2016. *Очерки источниковедения каменного века*. Москва: ИА РАН.
- Butrimas A., Ostrauskas T. 1999. Tanged point cultures in Lithuania. In: Kozłowski S. R., Gurba J., Zaliznyak L. L. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 286—271.
- Janevic A. 1999. Das Swiderien der Krim. In: Kozłowski S. R. et al. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 36—46.
- Fiedorczuk J. 1992. Późnopalaeolityczne zespoły krzemienne ze stanowiska Rydno IV 57 w świetle metody składanek. *Przegląd Archeologiczny* 39, 13—65.
- Fiedorczuk J. 1995. Production, selection and export of blanks in the Final Palaeolithic Masovian complex. A case study of the blade workshops from Rydno IV/57 in Southern Poland. *Archaeologia Polona* 33, 59—69.
- Fiedorczuk J. 1999. Rydno IV/57 — an Example of Flint Economy on the Mazovian Sites. In: Kozłowski S. R. et al. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 76—84.
- Kobusiewicz M. 1999. Tanged point cultures of Greater Poland 24 years from the first approach. In: Kozłowski S. R., Gurba J., Zaliznyak L. L. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 110—120.
- Kozłowski S. K. 2006. Mapping the Central/East European terminal Palaeolithic/Earliest Mesolithic. *Archaeologia Baltica* 7, 29—35.
- Krukowski 1939—1949. *Paleolit. Prahistoria ziem Polskich*. Kraków: Encyklopedia Polska.
- Sawicki L. 1935. Przemysł świderski i stanowiska wydmyowego Świdry Wielkie I. *Przegląd Archeologiczny* V, 1—23.
- Schild R. 1964. Paleolit końcowy i schyłkowy. *Materiały do prahistorii ziem polskich*. Warszawa.
- Schild R. 1975. Późny paleolit. In: Chmielewski W., Hensla W. (red.). *Prahistoria ziem polskich*. Vol. I. *Paleolit i mezolit*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 159—338.
- Schild R. 1996. The North European Plain and Eastern Sub-Balticum between 12,700 and 8,000 BP. In: Straus L. G. et al. (eds.). *Humans at the End of the Ice Age. The Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition*. New York; London: Plenum Press, 129—157.
- Schild R., Krolik H., Tomaszewski A. J. 1997. Raw material economy of the Palaeolithic and Mesolithic occupants of the Rydno complex. In: Schild R., Sulgostowska Z. (red.). *Man and Flint*. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 285—293.
- Schild et al. 1999: Schild R., Tobolski K., Kubiak-Martens L., Pazdur M. F., Pazdur A., Vogel J. C., Stafford T. W. Jr. 1999. Stratigraphy, palaeoecology and radiochronology of the site of Calowanie. *Folia Quaternalia* 70, 241—267.
- Schild et al. 2011: Schild R., Krolik H., Tomaszewski A. J., Ciepielewska E. 2011. *RYDNO. A Stone Age Red Ochre Quarry and Socioeconomic Center*. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences.

№1. 2017

- Sulgostowska Z. 1989. *Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu*. Warszawa: PWN.
- Sulgostowska Z. 1999. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations. In: Kozłowski S.R., Gurba J., Zaliznyak L.L. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 85—92.

- Sulgostowska Z. 2005. *Kontakty społeczności późno-paleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dźwiną i Górnym Dniestrem. Studium dystrybucji wytworów ze skał krzemionkowych*. Warszawa: Objętość.
- Zagorska I. 2003. The earliest finds in the river Daugava Valley, East Baltic. В: Мазуркевич А.Н. (ред.). *Древности Подвинья*. Санкт-Петербург: ГЭ, 20—26.

References

- Averin, V.A. 2011. *Ivanovskii kraj v epokhu mezolita (Ivanovo Land in the Mesolithic Age)*. Ivanovo: "O.V. Epischeva" Publ. (in Russian).
- Amirkhanov, Kh.A. 2004. In Amirkhanov, Kh.A. (ed.). *Problemy kamennogo veka Russkoi ravniny (Issues of the Stone Age in the Russian Plain)*. Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ., 5—18 (in Russian).
- Anisyutkin, N.K. 2002. In Praslov, N.D. (ed.). *Verkhni paleolit — verkhni pleistotsen: dinamika prirodnykh sobytii i periodizatsiia arkhologicheskikh kul'tur (The Upper Palaeolithic — the Upper Pleistocene: Natural Dynamics and Periodization of Archaeological Cultures)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 158—163 (in Russian).
- Anisyutkin, N.K., Lisitsyn, S.N. 2007. In Zhilin, M.G. (ed.). *Svoeobrazie i osobennosti adaptatsii kul'tur lesnoi zony severnoi Evrazii v final'nom pleistotsene — rannem golotsene (The Distinctive Features and the Specificity of Adaptation of Cultures in the Forest Zone of Northern Eurasia, Terminal Pleistocene — Early Holocene)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 134—248 (in Russian).
- Boriskovsky, P.I. 1966. In *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 126, 132—137 (in Russian).
- Vasilieva, N.B., Kosorukova, N.V. 1998. In *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 3, 179—192 (in Russian).
- Vekilova, E.A. 1961. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 82, 143—149 (in Russian).
- Vekilova, E.A. 1966. In Gurina, N.N. (ed.). *U istokov drevnikh kul'tur. Epokha mezolita (The Origins of the Ancient Cultures. Mesolithic)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 126, 144—154 (in Russian).
- Voevodskii, M.V. 1934. In Butin, V.F., Bykovskii, S.N., Gerasimov, A.P. et al. (eds.). *Trudy II Mezhdunarodnoi konferentsii Assotsiatsii po izucheniiu chetvertichnogo perioda Evropy (Papers of the 2nd International Conference of the European Quaternary Research Association)* V. Leningrad; Moscow: "Gosudarstvennoe nauchno-tekhnicheskoe gorno-geologo-nerftianoe izdatel'stvo" Publ., 230—245 (in Russian).
- Voevodskii, M.V. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXI, 96—119 (in Russian).
- Galibin, V.A., Timofeev, V.I. 1993. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 2. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 13—19 (in Russian).
- Gurina, N.N. 1966. In Gurina, N.N. (ed.). *U istokov drevnikh kul'tur. Epokha mezolita (The Origins of the Ancient Cultures. Mesolithic)*. Series: *Materialy i issledovaniia po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR)* 126, 14—34 (in Russian).
- Gurina, N.N. 1971. *Verkhnevolzhskaiia ekspeditsiia 1971 g. (The Upper Volga Expedition in 1971)*. Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Fund 35. Inv. 9, dossier 10, 11 (in Russian).
- Zhel'tova, M.N. 2003. In Mazurkevich, A.N. (ed.). *Drevnosti Podvin'ia: Istoricheskii aspekt (Antiquities of the Dvina River Region: Historical Aspect)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 27—39 (in Russian).
- Zhilin, M.G. 1999. In Egorov, V.L. (ed.). *Zabelinskie nauchnye chteniia 1995—1996 gg. (Scientific Readings in Honour of I.E. Zabelin, 1995—1996). Istoricheskii muzei — entsiklopediia otechestvennoi istorii i kul'tury (Historical Museum as an Encyclopaedia of the National History and Culture)* 103, 109—126 (in Russian).
- Zhilin, M.G. 2000. In *Tverskoi arkhologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 4, 72—79 (in Russian).
- Zhilin, M.G. 2004. In Amirkhanov, Kh.A. (ed.). *Problemy kamennogo veka Russkoi ravniny (Issues of the Stone Age in the Russian Plain)*. Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ., 92—139 (in Russian).
- Zhilin, M.G., Koltsov, L.V. 2008. *Final'nyi paleolit lesnoi zony Evropy (kul'turnoe svoeobrazie i adaptatsiia) (Terminal Palaeolithic of Europe's Forest Zone (Cultural Features and Adaptation))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Zaliznyak, L.L. 1989. *Okhotniki na severnogo olenia Ukrainkogo Poles'ia epokhi final'nogo paleolita (Reindeer-Hunters of Ukrainian Polesye Region in Final Palaeolithic)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
- Zaliznyak, L.L. 1998. *Peredistoriya Ukrainy X—V tys. do n.e. (Prehistory of Ukraine in the 10th — 5th Millennia BC)*. Kiev: Kiev: "Biblioteka Ukraintsya" Publ. (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L.L. 1999. *(Final Palaeolithic of the North-Western Part of Eastern Europe: Cultural Division and Periodization)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Zaliznyak, L.L. 2005. *Final'nyi paleolit i mezolit kontynental'noi Ukrainy (Final Palaeolithic and Mesolithic of Continental Ukraine)*. Series: *Kam'yana doba Ukrainy (The Stone Age of Ukraine)* 8. Kiev: "Shlyakh" Publ. (in Ukrainian).
- Kalechyts, A.H., Kolasau, A.U., Abukhoŭski, V.S. 2010. *Palealitychnyya pomniki Belarusi. Kul'turno-khranalahichnaya identyfikatsiia krynits (Palaeolithic Sites of Belarus: Cultural and Chronological Identification of Sources)*. Minsk: "Belaruskaya navuka" Publ. (in Belorussian).
- Kolosov, A.V. 2013. In Sinit'syna, G.V. (ed.). *Problemy zaseleniia severo-zapada Vostochnoi Evropy v verkhnem i final'nom paleolite (kul'turno-istoricheskie protsessy)*. Saint Petersburg: ElekSis, 182—221 (in Russian).
- Koltsov, L.V. 1977. *Final'nyi paleolit i mezolit Iuzhnoi i Vostochnoi Pribaltiki (Final Palaeolithic of the Southern and Eastern Baltic Areas)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Koltsov, L.V. 1989. In Koltsov, L.V. (ed.). *Mezolit SSSR (The Mesolithic of the USSR)*. Series: *Archaeology of the USSR* 2. Moscow: "Nauka" Publ., 68—86 (in Russian).
- Ksenzov, V.P. 1994. *Mezoliticheskie kul'tury Belorusskogo Podvin'ia i Podneprov'ia (Mesolithic Cultures of the Western Dvina and Dnieper Rivers Area in Belarus)*. Doct. Diss. Thesis. Minsk (in Russian).
- Lisitsyn, S.N. 2011. In *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury RAN (Transactions of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)* 6, 104—118 (in Russian).
- Rimantene, R.K. 1971. *Paleolit i mezolit Litvy (Palaeolithic and Mesolithic of Lithuania)*. Vilnius: "Mintis" Publ. (in Russian).
- Sinit'syna, G.V. 1996. *Issledovanie final'nopaleoliticheskikh pamiatnikov v Tverskoi i Smolenskoj oblastiakh. Otchet o polevoi rabote Tverskoi arkhologicheskoi ekspeditsii v 1996 godu (Studying of the Final Palaeolithic Sites in the Tver and Smolensk Oblasts: Report on the Fieldworks of the Tver Archaeological Expedition in 1996)*. Saint Petersburg:

- Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Sinitsyna, G. V., Kildyushevskii, V. I. 1996. In *Tverskoi arkhеologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection) 2*, 133—140 (in Russian).
- Sinitsyna, G. V., Lavrushin, Yu. A., Spiridonova E. A., Guskova, E. G., Raspopov, O. M., Iosifidi, A. G. 2009. In *Tverskoi arkhеologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection) 7*, 52—70 (in Russian).
- Sorokin, A. N. 1990. *Butovskaia mezoliticheskaia kul'tura (po materialam Desninskoj ekspeditsii) (Butovo Mesolithic Culture: on the Materials of Desna Expedition)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Sorokin, A. N. 2009. In Leonova, N. B. (ed.). *Na perelome epoch (On the Turn of Epochs)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 127—196 (in Russian).
- Sorokin, A. N. 2010. In Kamenetskii, I. S., Sorokin, A. N. (eds.). *Chelovek i drevnosti: pamiati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova (1928—2009) (Man and Antiquities: to the Memory of Aleksandr Aleksandrovich Formozov (1928—2009))*. Moscow: "Grif i K" Publ., 188—202 (in Russian).
- Sorokin, A. N. 2016. *Ocherki istochnikovedeniia kamennogo veka (Essays on the Stone Age Source Studies)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Butrimas, A., Ostrauskas, T. 1999. Tanged point cultures in Lithuania. In: Kozłowski, S. R., Gurba, J., Zalizhyak, L. L. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 286—271.
- Janevic, A. 1999. Das Swiderien der Krim. In: Kozłowski, S. R. et al. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 36—46.
- Fiedorczyk, J. 1992. Późnopaleolityczne zespoły krzemienne ze stanowiska Rydno IV 57 w świetle metody składanek. *Przegląd Archeologiczny* 39, 13—65.
- Fiedorczyk, J. 1995. Production, selection and export of blanks in the Final Palaeolithic Masovian complex. A case study of the blade workshops from Rydno IV/57 in Southern Poland. *Archaeologia Polona* 33, 59—69.
- Fiedorczyk, J. 1999. Rydno IV/57 — an Example of Flint Economy on the Mazovian Sites. In: Kozłowski, S. R. et al. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 76—84.
- Kobusiewicz, M. 1999. Tanged point cultures of Greater Poland 24 years from the first approach. In: Kozłowski, S. R., Gurba, J., Zalizhyak, L. L. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 110—120.
- Kozłowski, S. R. 2006. Mapping the Central/East European terminal Palaeolithic/Earliest Mesolithic. *Archaeologia Baltica* 7, 29—35.
- Krukowski 1939—1949. *Paleolit. Prahistoria ziem Polskich*. Kraków: Encyklopedia Polska.
- Sawicki, L. 1935. Przemysł świderski i stanowiska wydmyowego Świdry Wielkie I. *Przegląd Archeologiczny* V, 1—23.
- Schild, R. 1964. Paleolit końcowy i schyłkowy. *Materiały do prahistorii ziem polskich*. Warszawa.
- Schild, R. 1975. Późny paleolit. In: Chmielewski, W., Hensla, W. (red.). *Prahistoria ziem Polskich*. Vol. I. *Paleolit i mezolit*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 159—338.
- Schild, R. 1996. The North European Plain and Eastern Sub-Balticum between 12,700 and 8,000 BP. In: Straus, L. G. et al. (eds.). *Humans at the End of the Ice Age. The Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition*. New York; London: Plenum Press, 129—157.
- Schild, R., Krolik, H., Tomaszewski, A. J. 1997. Raw material economy of the Palaeolithic and Mesolithic occupants of the Rydno complex. In: Schild, R., Sulgostowska, Z. (red.). *Man and Flint*. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology, Polish Academy of Sciences, 285—293.
- Schild, R., Tobolski, K., Kubiak-Martens, L., Pazdur, M. F., Pazdur, A., Vogel, J. S., Stafford, T. W. Jr. 1999. Stratigraphy, palaeoecology and radiochronology of the site of Calowanie. *Folia Quarternalia* 70, 241—267.
- Schild R., Krolik, H., Tomaszewski, A. J., Ciepiewska, E. 2011. *RYDNO. A Stone Age Red Ochre Quarry and Socioeconomic Center*. Warsaw: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences.
- Sulgostowska, Z. 1989. *Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu*. Warszawa: PWN.
- Sulgostowska, Z. 1999. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda culture Relations. In: Kozłowski, S. R., Gurba, J., Zaliznyak, L. L. (eds.). *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 85—92.
- Sulgostowska, Z. 2005. *Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dźwinq i Górnym Dniestrem. Studium dystrybucji wytworów ze skał krzemionkowych*. Warszawa: Objętość.
- Zagorska, I. 2003. The earliest finds in the river Daugava Valley, East Baltic. In: Mazurkevich, A. N. (ed.). *Drevnosti Podvin'ia: Istoricheskii aspekt (Antiquities of the Dvina River Region: Historical Aspect)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 20—26.

Статья поступила в номер 20 января 2017 г.

Galina Sinitsyna (Saint Petersburg, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences¹.

Galina Sinitsyna (Sankt Petersburg, Rusia). Candidat în științe istorice. Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei.

Синицына Галина Васильевна (Санкт-Петербург, Россия). Кандидат исторических наук. Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

E-mail: gv-sinitsyna@yandex.ru

Elena Spiridonova (Moscow, Russian Federation). Candidate of Geographical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences².

Elena Spiridonova (Moscova, Rusia). Candidat în științe geografice. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Спиридонова Елена Александровна (Москва, Россия). Кандидат географических наук. Институт археологии Российской академии наук.

E-mail: easpiridonova@mail.ru

Addresses: ¹ Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; ² Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation